

Взбесилась. Ги де Мопассан

Милая Женевьева, ты просишь меня описать наше свадебное путешествие. Как мне решиться? Ах, скрытница, ты ничего мне не сказала, ни на что не намекнула, ни на что, ни на что! Ты замужем уже полтора года, целых полтора года; ты лучшая моя подруга и никогда прежде ничего от меня не скрывала, — как же у тебя вдруг не хватило великодушия предупредить меня? Если бы ты хоть предостерегла меня, хоть заставила бы насторожиться, хоть заронила мне в душу самую крохотную искру подозрения, — ты удержала бы меня от большой глупости, которая до сих пор еще вызывает у меня краску стыда, а для мужа всю жизнь будет предметом потехи, — и ты единственная тут виновница.

Я навеки стала посмешищем, я допустила одну из тех ошибок, воспоминание о которых не изглаживается никогда, и все по твоей вине, негодница. Ах, если бы я знала!

Но, взявшись за перо, я набираюсь храбрости и решаюсь рассказать тебе все. Зато обещай не очень надо мной смеяться.

Не жди комедии. Это драма.

Ты помнишь мою свадьбу. В тот же вечер я должна была уехать в свадебное путешествие. Ну, разумеется, я ничуть не была похожа на Полетту, историю которой Жип[1] так забавно рассказала в остроумном романе Вокруг брака. И если бы мамочка сказала мне, как г-жа д'Отретан своей дочери: «Муж обнимет тебя... и...», я уж, конечно, не расхохоталась бы, как Полетта, и не ответила бы: «Можешь не продолжать, мамочка... все это я знаю не хуже тебя...»

Я не знала решительно ничего; мамочку же, бедную мою мамочку, все пугает, и она не отважилась коснуться этого щекотливого вопроса.

Итак, в пять часов вечера, после чая, нам доложили, что экипаж подан. Гости разъехались, я была готова. Я еще теперь слышу, как на лестнице выносят сундуки и как папочка говорит в нос, но старается не показать виду, что плачет. Целуя меня, бедняжка сказал: «Не робей!» — словно мне предстояло вырвать себе зуб. А мамочка лила слезы ручьем. Муж торопил меня, чтобы сократить тягостные минуты расставания; сама я была вся в слезах, хоть и очень счастлива. Это трудно объяснить, однако это так. Вдруг я почувствовала, как что-то дергает меня за подол. То был Бижу, совсем забытый с утра. Бедная собачка по-своему прощалась со мной. От этого у меня слегка сжалось сердце, и мне очень захотелось поцеловать моего песика. Я его схватила (ты ведь знаешь, он величиной с кулак) и стала осыпать поцелуями.

Я обожаю ласкать животных. Это доставляет мне нежную радость, вызывает во мне своеобразный трепет, это восхитительно!

А он был как безумный; он перебирал лапками, лизал меня, покусывал, как делает всегда, когда очень рад. Вдруг он взял меня зубами за нос, и я почувствовала боль. Я слегка вскрикнула и опустила собачку на пол. Она в самом деле, играя, укусила меня. Показалась кровь. Все были огорчены. Принесли воды, уксуса, марли, и муж пожелал сам мне помочь. Впрочем, это был пустяк — два крошечных прокола — словно от иголки. Минут через пять кровь остановилась, и я уехала.

Было решено, что мы отправимся в путешествие по Нормандии, месяца на полтора.

К вечеру мы приехали в Дьепп. Собственно говоря, не к вечеру, а в полночь.

Ты знаешь, как я люблю море. Я заявила мужу, что не лягу спать прежде, чем не увижу море. Это ему, видимо, не понравилось. Я спросила его смеясь: «Неужели вам хочется спать?»

Он ответил: «Нет, дорогая, но вы должны бы понять, что мне хочется поскорее остаться с вами наедине».

Я удивилась: «Наедине со мной? Но мы всю дорогу были наедине в вагоне».

Он улыбнулся: «Да... но... в вагоне совсем не то, что в нашей комнате».

Я не сдавалась: «Но, сударь, здесь, на пляже, мы с вами наедине, — чего же еще?»

Это ему уже явно не понравилось. Однако он ответил: «Пусть будет так, раз вы хотите».

Выла великолепная ночь, одна из тех, что вливают в душу великие и смутные идеи, скорее ощущения, чем мысли, и хочется тогда раскинуть руки, расправить крылья, обнять все небо и бог весть что. Тогда кажется, что вот-вот поймешь непостижимое.

В воздухе разлита Мечта, струящаяся прямо в душу, Поэзия, особое, неземное счастье, какое-то бесконечное опьянение, исходящее от звезд, луны, от серебристого, колышущегося моря. Это лучшие мгновения в жизни. Они приоткрывают иное, лучшее, восхитительное существование; они как бы откровение о том, что могло бы быть... или что еще будет.

А мужу моему, по-видимому, не терпелось вернуться. Я спросила его: «Тебе холодно?» — «Нет». — «Так посмотри же на тот кораблик, вон там, вдали; он словно спит на воде. Здесь так хорошо! Я охотно осталась бы тут до утра. Скажи, хочешь, мы дождемся зари?»

Он решил, что я над ним издеваюсь, и почти силою повлек меня в гостиницу. О, если бы только я знала! Ах, злодей!

Когда мы остались одни, мне стало стыдно, неловко — клянусь тебе, я не знала, отчего. Наконец я отослала его в туалетную, а сама легла.

Ах, милочка, как бы это выразиться? Ну вот, мое бесконечное неведение он счел, несомненно, за лукавство, мою бесконечную наивность — за плутовство, мою глупую и доверчивую беспечность — за обдуманную тактику и поэтому пренебрег той осторожностью и чуткостью,

которые необходимы, чтобы расколоть подобные тайны, сделать их понятными и приемлемыми для ничего не подозревающей и совсем не подготовленной души.

И вдруг мне показалось, что он совсем потерял голову. Потом, все сильнее пугаясь, я подумала, не собирается ли он меня убить. Когда мы во власти страха, мы уже не рассуждаем, не думаем, мы сходим с ума. Мгновенно мне представились всякие ужасы. Мне вспомнились газетные сообщения о разных происшествиях, таинственные преступления, вспомнились передаваемые шепотом истории девушек, выданных замуж за негодяев. Разве я хорошо знала этого человека? Я отбивалась, отталкивала его, обезумев от ужаса. Я даже вырвала у него ключья волос с головы и из усов и, высвободившись, вскочила с громким воплем: «Помогите!» Я подбежала к двери, отодвинула задвижку и, полуголая, бросилась на лестницу.

Соседние двери тоже отворились. Показались какие-то мужчины в рубашках, со свечами в руках. Я кинулась в объятия к одному из них, моля о защите. Он бросился на моего мужа.

Остального не знаю. Началась драка, поднялся крик; потом все стали хохотать, да так хохотать, что ты и представить себе не можешь. Хохотал весь дом сверху донизу. Ко мне долетали из коридора буйные взрывы смеха, другие неслись из комнаты под нами. Под крышей хохотали повара, а сторож корчился от смеха на своей койке в передней.

Подумай только: в гостинице!

Потом я опять очутилась с мужем наедине, и он дал мне несколько общих разъяснений подобно тому, как объясняют химический опыт, прежде чем приступить к нему. Он был очень недоволен. Я проплакала всю ночь, и мы уехали, как только отперли парадное.

Но это еще не все.

На другой день мы приехали в Пурвиль — это только еще зарождающийся курорт. Муж осыпал меня знаками внимания, нежности. Недовольство его прошло, и теперь он, казалось, был в восторге. Стыдясь и сожалея о вчерашнем приключении, я старалась быть как можно ласковой и покладистой. Но ты представить себе не можешь, какой ужас, какое отвращение, доходящее почти до ненависти, стал возбуждать во мне Анри, когда я узнала ту мерзкую тайну, которую так тщательно скрывают от девушек. Я пришла в отчаяние, мне было смертельно грустно, я разочаровалась во всем и томила желанием вернуться к милым моим родителям.

Через день мы приехали в Этрета. Все живущие здесь были в смятении: одну молодую женщину укусила собачка, и женщина только что умерла от бешенства. Когда я услышала об этом за табльдотом, по спине у меня побежали мурашки. Мне тотчас же показалось, что нос у меня болит, и во всем теле я ощутила что-то странное.

Я не спала всю ночь; о муже я совершенно забыла. Вдруг я тоже умру от бешенства? Наутро я расспросила метрдотеля обо всех подробностях. Они были ужасны. Я целый день ходила по дюнам. Я перестала разговаривать, погрузилась в размышления. Бешенство! Какая страшная смерть! Анри меня расспрашивал: «Что с тобой? Ты, кажется, грустишь?» Я отвечала: «Да нет, ничего, ничего!» Я рассеянно смотрела на море, но не видела его, смотрела на фермы, на равнины, но не могла бы сказать, что у меня перед глазами. Ни за что на свете не призналась бы я в мысли, которая так терзала меня. Я почувствовала в носу боль, настоящую боль, и захотела домой.

Вернувшись в гостиницу, я тотчас же заперлась, чтобы разглядеть ранку. Она уже стала незаметной. И все же, сомнения не было, она болела.

Я тут же написала мамочке коротенькое письмо, которое, вероятно, показалось ей странным. Я просила немедленного ответа на несколько пустячных вопросов. Подписавшись, я добавила: «Главное, не забудь сообщить мне, как поживает Бижу».

На другой день я ничего не могла есть, но отказалась обратиться к врачу. Я просидела весь день на пляже, смотря на купающихся. Появлялись тут и толстые и худые, но все были безобразны, в ужасных костюмах; однако мне было не до смеху. Я думала: «Какие счастливые! Их никто не кусал! Они-то будут жить! Им нечего бояться! Они могут веселиться, сколько вздумается. Как они безмятежны!»

Я поминутно подносила руку к носу, чтобы ощупать его. Не пухнет ли он? А едва вернувшись в гостиницу, я заперлась, чтобы разглядеть его в зеркало. О, если бы цвет его изменился — я умерла бы на месте!

Вечером я внезапно почувствовала к мужу какую-то нежность, нежность отчаяния. Он показался мне таким добрым, я оперлась на его руку. Раз двадцать я чуть было не поделилась с ним своей отвратительной тайной, однако промолчала.

Он подло злоупотребил моей беспомощностью и душевным изнеможением. У меня не было сил противиться, даже воли не хватило. Я все бы вытерпела, все бы перенесла. На другой день я получила письмо от мамочки. Она отвечала на мои вопросы, но о Бижу — ни слова. Я тотчас же решила: «Он околел, и от меня это скрывают». Потом я побежала было на телеграф, чтобы отправить депешу. Меня остановила мысль: «Если он действительно околел, мне этого все равно не скажут». Поэтому я примирилась с необходимостью промучиться еще два дня. И я снова написала письмо. Я просила, чтобы мне прислали песика, так как я немного скучаю.

Днем меня стало трясти. Я не могла поднять стакан, не расплескав половины. Душевное состояние мое было плачевно. В сумерках я ускользнула от мужа и побежала в церковь. Я долго молилась.

На обратном пути я опять почувствовала боль в носу и зашла в аптеку, — она еще была освещена. Я рассказала аптекарю о своей подруге, которую якобы укусила собака, и попросила у него совета. Это был любезнейший человек, чрезвычайно предупредительный. Он дал мне кучу наставлений. Но ум мой был так помрачен, что я тут же забывала, что мне говорили. Я запомнила только одно: «Зачастую прописывают слабительное». Я купила несколько склянок какого-то снадобья, сказав, что пошлю их подруге.

Попадавшие на пути собаки внушали мне ужас и желание бежать со всех ног. Несколько раз мне показалось, что мне самой хочется их укусить.

Ночь я провела ужасно тревожно. Муж воспользовался этим. Наутро я получила мамочкин ответ. «Бижу чувствует себя превосходно, — писала она. — Но переправлять его одного по железной дороге опасно». Итак, мне его не присылают! Он околел!

Ночью я опять не могла уснуть. Между тем Анри храпел. Несколько раз он просыпался. Я была в изнеможении.

На другой день я выкупалась в море. Когда я входила в воду, мне чуть не сделалось дурно, — такой меня охватил холод. Это ощущение ледяной воды еще больше потрясло меня. Ноги у меня страшно дрожали; зато нос совсем не болел.

Мне представили врача, инспектора пляжа, — очаровательного человека. Я проявила исключительную ловкость и навела его на интересующую меня тему. Потом я сказала, что мой щенок укусил меня несколько дней тому назад, и спросила, что надо делать, если случится воспаление. Он рассмеялся и ответил: «В вашем положении я вижу только один выход, сударыня, — вам нужен новый нос»[2].

А так как я не понимала, он добавил: «Впрочем, это дело вашего супруга».

Расставшись с ним, я осталась в прежнем неведении и растерянности.

Анри в тот день казался очень веселым, очень довольным. Вечером мы пошли в казино, но он, не дождавшись конца спектакля, предложил вернуться домой. Меня уже ничто не привлекало, и я последовала за ним.

Однако я не в силах была лежать в постели, нервы мои были натянуты и трепетали. А он тоже не спал. Он меня обнимал, гладил, стал нежным и ласковым, словно понял наконец, как я страдаю. Я сносила его ласки, даже не сознавая их, не думая о них.

Но вдруг меня потряс внезапный, необыкновенный, ошеломляющий приступ... Я испустила дикий вопль и, оттолкнув мужа, бросилась в другой конец комнаты и упала ничком у двери. То было бешенство. Я погибла!

Перепуганный Анри меня поднял, стал расспрашивать, что со мной. Но я молчала. Я уже смирилась. Я ждала смерти. Я знала, что после нескольких часов передышки последует новый приступ, за ним другой, потом еще и еще, — и так до последнего, который будет смертельным.

Я дала перенести себя в постель. На рассвете навязчивость мужа вызвала новый припадок, продолжительнее первого. Мне хотелось выть, рвать, кусаться: это было нечто ужасное, но все же менее мучительное, чем я предполагала.

Часов в восемь я в первый раз за четыре ночи заснула.

В одиннадцать часов меня разбудил любимый голос. То была мамочка: мои письма ее напугали, и она примчалась навестить меня. В руках она держала большую корзину, из которой внезапно раздался лай. Вне себя, обезумев от надежды, я схватила корзину. Я открыла ее — и Бижу выскочил ко мне на постель; в неистовой радости он стал ко мне ластился, кувыркаться, кататься по подушке.

Так вот, милочка, хочешь — верь, хочешь — нет: я все поняла только еще на другой день.

О воображение! Как оно действует! И подумать только, что я воображала, будто... Согласись, не глупость ли это?

Ты сама понимаешь, я никому не призналась в муках этих четырех дней. Представь себе, что об этом узнал бы мой муж? Он уж и без того достаточно подтрунивает надо мною из-за пурвильского приключения. Впрочем, я особенно не сержусь на его шутки. Привыкла. В жизни ко всему привыкаешь.

Примечания

Новелла напечатана в «Жиль Блас» 7 августа 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

1 Жип (род. 1850) — французская писательница, автор многочисленных легковесных романов.

2 В подлиннике непереводаемая игра слов: *poiveau nez* (новый нос) звучит как *poiveau ne* (новорожденный).